

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Упорный. Василий Макарович Шукшин

Все началось с того, что Мотя Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель – невозможен. По тем-то и тем-то причинам потому хотя бы, что существует трение. Мотья... Тут, между прочим, надо объяснить, почему – Мотья. Его звали – Митька, Дмитрий, но бабка звала его – Митрий, а ласково – Мотья, Мотя. А уж дружки переделали в Мотю – так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Мотья, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер.

Прочитал Мотья, что вечный двигатель-невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались все же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех "вечных двигателей", какие-в разные времена-предлагались... И задумался. Что трение там, законы механики он все это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого "вечного двигателя", какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен. Как-то так бывало с ним, что на всякие трезвые мысли... от всяких трезвых мыслей он с пренебрежением отмахивался и думал свое: "Да ладно, будут тут мне..." И теперь он тоже подумал: "Да ну!.. Что значит – невозможен?"

Мотне шел двадцать шестой год. Он жил с бабкой, хотя где-то были и родители, мать с отцом, но бабка еще маленького взяла его к себе от родителей (те вечно то расходились, то опять сходились) и вырастила. Мотня окончил семилетку в деревне, поучился в сельскохозяйственном техникуме полтора года, не понравилось, бросил, до армии работал в колхозе, отслужил в армии, приобрел там специальность шофера и теперь работал в совхозе шофером. Мотня был белобрыс, скуласт, с глубокими маленькими глазами. Большая нижняя челюсть его сильно выдалась вперед, отчего даже и вид у Мотни был крайне заносчивый и упрямый. Вот уж что у него было, так это было, если ему влетела в лоб какая-то идея, – то ли научиться играть на аккордеоне, то ли, как в прошлом году, отстоять в своем огороде семнадцать соток, не пятнадцать, как положено по закону, а семнадцать, сколько у них с бабкой, почему им и было предложено перенести плетень ближе к дому, – то идея эта, какая в него вошла, подчиняла себе всего Мотню: больше он ни о чем не мог думать, как о том, чтобы научиться на аккордеоне или не отдать сельсоветским эти несчастные две сотки земли. И своего добивался. Так и тут, с этим двигателем: Мотня перестал видеть и понимать все вокруг, весь отдался великой изобретательской задаче. Что бы он ни делал – ехал на машине, ужинал, смотрел телевизор – все мысли о двигателе. Он набросал уже около десятка вариантов двигателя, но сам же и браковал их один за одним. Мысль работала судорожно. Мотня вскакивал ночами, чертил какое-нибудь очередное колесо... В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, сразу с колеса начал и продолжал искать новые и новые способы – как заставить колесо постоянно вертеться.

И наконец способ был найден. Вот он: берется колесо, например велосипедное, закрепляется на вертикальной оси. К ободу колесо жестко крепится в наклонном положении (под углом в 45 градусов к плоскости колеса, желоб – так, чтоб по желобу свободно мог скользить какой-нибудь груз, допустим, килограммовая гирька). Теперь, если к оси, на которой закреплено колесо, жестко же прикрепить (приварить) железный стерженек так, чтобы свободный конец этого стерженька проходил над желобом, где скользит груз... То есть если груз, стремясь вниз по желобу, упрутся в этот стерженек, то он же будет его толкать, ну, не толкать – давить на него будет, на стерженек-то! А стерженек соединен с осью, ось закрутится – закрутится и колесо. Таким образом, колесо само себя будет крутить.

Мотня придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, желоб, стерженек, грузик... И даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали! Он походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный, сел на подоконник, закурил. В окно дул с улицы жаркий ветер, качались и шумели молодые березки возле штакетника: пахло пылью. Мотня мысленно вообразил вдруг огромный простор своей родины, России, – как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине – идет спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг... И в такой ходьбе – ничего больше, идет, и все, почудилось Мотне некое собственное величие. Вот так пройдет человек по земле – без крика, без возгласов, – поглядит на все тут – и уйдет. А потом хватятся: кто был-то! Кто был-то! Кто был... Кто был... Мотня еще походил по горнице... Если бы он был не в

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
трусах, а в брюках, то уже теперь сунул бы руки в карманы и так походил бы – хотелось, но лень было надевать брюки, не лень, а совестно суетиться. Покой, могучий покой объял душу Мони. Он лег на кровать, но до утра не заснул. Двигатель свой он больше не трогал – там все ясно, а лежал поверх одеяла, смотрел через окно на звезды. Ветер горячий к утру поослаб, было тепло, но не душно. Густое небо стало бледнеть, стало как ситчик голубенький, застиранный... И та особенная тишина, рассветная, пугливая, невечная, прилегла под окно. И скоро ее вспугнули, эту тишину, – скрипнули недалеко воротца, потом звякнула цепь у колодца, потом с визгом раскрутился колодезный вал... Люди начали вставать. Мونها все лежал на кровати и смотрел в окно. Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, черт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что все тут прекрасно, просто, бесконечно дорого. Еще полежал Мونها с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но все равно уже теперь не заснуть.

Подсел к столу, просмотрел свой чертежик... Странно, что он не волновался и не радовался. Покой все пребывал в душе. Мونها закурил, откинулся на спинку стула и стал ковырять спичкой в зубах – просто так, нарочно, чтобы ничтожным этим действием подчеркнуть огромность того, что случилось ночью и что лежало теперь на столе в виде маленьких рисунков. И Мونها испытал удовольствие: на столе лежит чертеж вечного двигателя, а он ковыряется в зубах. Вот так вот, дорогие товарищи!.. Вольно вам в жарких перинах трудиться на заре с женами, вольно сопеть и блаженствовать – кургузые. Еще и с довольным видом будут ходить потом днем, будут делать какие-нибудь маленькие дела и при этом морщить лоб – как если бы они думали. Ой-ля-ля! Даже и думать умеете?! Гляди-ка. Впрочем, что же: выдумали же, например, рукомойник. Ведь это же какую голову надо иметь, чтобы... Ах, люди, люди. Мونها усмехнулся и пошел к человеческому изобретению – к рукомойнику умываться.

И все утро потом Мونها пробыл в этом насмешливом настроении. Бабка заметила, что он какой-то блаженный с утра... Она была веселая крепкая старуха, Мотьку своего любила, но никак любви этой не показывала. Она сама тоже думала о людях несложно: живут, добывают кусок хлеба, приходит время – умирают. Важно не оплошать в трудную пору, как-нибудь выкрутиться. В войну, например, она приспособилась так: заметила в одном колхозном амбаре щель в полу, а через ту щель потихоньку сыплется зерно. А амбар задней стеной выходил на дорогу, но с дороги его заслоняли заросли крапивы и бурьяна. Ночью Квасиха пробралась с мешочком через эти заросли, изжалилась вся, но к зерну попала. Амбар был высокий, пол над землей высоко – хватит пролезть человеку. Квасиха подчистила зерно, проковыряла ножом щель пошире... И с неделю ходила ночами под тот амбар с мешочком. И наносила зерна изрядно. И в самый голод великий толкла ночами зерно это в ступке, подмешивала в муку сосновой коры и пекла хлебушек. Так обошла свою гибель. Мотька был ей как сын, даже, наверно, дороже, потому что больше теперь никого не было. Была дочь (сыновей, двух, убило на войне), мать Мотькина, но она вконец запуталась со своим муженьком, закружилась в городе, вообще как-то не вышло толку из бабы, она сюда и носа не казала, так что есть она и вроде ее нет.

- Чего эт ты седня такой? – спросила бабка, когда сидели завтракали.
- Какой? – спокойно и снисходительно поинтересовался Мونها.
- Довольный-то. Жмурисся, как кот на солнышке... Приснилось, что ль, чего?

Мونها несколько подумал... И сказал заковыристо:

- Мне приснилось, что я нашел десять тысяч рублей в портфеле,
- Подь ты к лешему! – Старуха усмехнулась, помолчала и спросила: Ну, и что бы ты с имя стал делать?
- Что?.. А ты что?
- я тебя спрашиваю.
- Хм... Нет, а вот ты чего бы стала делать? Чего тебе, например, надо?
- Мне ничего не надо. Может, дом бы перебраться...
- Лучше уж новый срубить. Чего тут перебирать – гнилье трясти.

Бабка вздохнула. Долго молчала.

- Гнилье-то гнилье... А уж я доживу тут. Немного уж осталось. Я уж все продумала, как меня отсюда выносить будут.

- Начинается! - недовольно сказал Моня. Он тоже любил бабку, хоть, может, не очень это сознавал, но одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью - нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела, но притворно строила перед ней, перед смертью, покорную фигуру.- Чего ты опять?

Умная старуха поддельно-скорбно усмехнулась:

- А чего же? Что я, два века жить буду? Приде-ет матушка...

- Ну, и... придет-значит, придет: чего об этом говорить раньше время?

Но говорить старухе об этом хотелось, жаль только, что Мотыка не терпит таких разговоров. Она любила с ним говорить. Она считала, что он умный парень, удивительно только, что в селе так не думают.

- Дак чего приснилось-то?

- Да ничего... Так я: утро вон хорошее, я и... радый.

- Ну, ну... И радуйся, пока молодой. Старость придет-не возрадуется.

- Ничего! - беспечно и громко сказал Моня, закончив трапезу.- Мы еще... сообразим тут! Скажем еще свое "фэ"!

И Моня пошел в гараж. Но по дороге решил зайти к инженеру РТС Андрею Николаевичу Голубеву, молодому специалисту. Он был человек приезжий, толковый, несколько мрачноватый, правда, но зато не трепач. Раза два Моня с ним общался, инженер ему нравился.

Инженер был в ограде, возился с мотоциклом.

- Здравствуй! - сказал Моня.

- Здравствуй! - не сразу откликнулся инженер. И глянул на Моню неодобрительно: наверно, не понравилось, что с ним на "ты".

"Переживешь,- подумал Моня.- Молодой еще".

- Зашел сказать свое "фэ",- продолжал Моня, входя в ограду.

Инженер опять посмотрел на него.

- Что еще за "фэ"?

- Как ученые думают насчет вечного двигателя? - сразу начал Моня. Сел на бревно, достал папиросы... И смотрел на инженера снизу. - А?

- Что за вечный двигатель?

- Ну этот - перпетуум мобиле. Нормальный вечный двигатель, который никак не могли придумать...

- Ну? и что?

- Как сейчас насчет этого думают?

- Да кто думает-то? - стал раздражаться инженер.

- Ученый мир... Вообще. Что, сняли, что ли, эту проблему?

- Никак не думают. Делать, что ли, нечего больше, как об этом думать.

- Значит, сняли проблему?

Инженер снова склонился к мотоциклу:

- Сняли.
- Не рано? - не давал ему уйти от разговора Моня.
- что "не рано"? - оглянулся опять инженер.
- Сняли-то. Проблему-то.

Инженер внимательно посмотрел на Моню:

- что, изобрел вечный двигатель, что ли?

И Моня тоже внимательно посмотрел на инженера. И всадил в его дипломированную головушку... Как палку в муравейник воткнул:

- Изобрел.

Инженер, не вставая с корточек, попристальнее взгляделся в Моню... Откровенно улыбнулся и возвратил Моне палку - тоже отчетливо, не без ехидства сказал:

- Поздравляю.

Моня обеспокоился. Не то что он усомнился вдруг в своем двигателе, а то обеспокоило, до каких же, оказывается, глубин вошло в сознание людей, что вечный двигатель - невозможен. Этак и выдумашь его, а они будут твердить: невозможен. Спорить с людьми - это тяжело, грустно. Вся-то строптивость Мони, все упрямство его - чтоб люди не успели сделать больно, пока будешь корячиться перед ними со своей доверчивостью и согласием.

- А что дальше? - спросил Моня.
- В каком смысле?
- Ну, ты поздравил... А дальше?
- Дальше - пускай его по инстанции, добивайся... Ты его сделал уже? Или только придумал?
- Придумал.
- Ну вот... - Инженер усмехнулся, качнул головой. - Вот и двигай теперь... Пиши что ли, я не знаю.

Моня помолчал, задетый за больное усмешкой инженера.

- Ну, а что ж ты даже не поинтересуешься: что за двигатель? Узнал бы хоть принцип работы... Ты же инженер. Неужели тебе неинтересно.
- Почему?

Инженер оставил мотоцикл, вытер руки тряпкой, бросил тряпку на бревна, полез в карман за сигаретами. Посмотрел на Моню сверху.

- Парень... ты же говорил, что в техникуме сколько-то учился...
- Полтора года.
- Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком. Что, неужели веришь в этот свой двигатель?
- Ты же даже не узнал принцип его работы, а сразу - бредятина! изумился Моня, чувствуя, что все: с этой минуты он уперся. Узнал знакомое подрагивание в груди, противный холодок и подрагивание.

- И узнавать не хочу.
- Почему?
- Потому что - это глупость, и ты должен сам понимать, что глупость.
- Ну, а вдруг не глупость?
- Проверь. Проверь, а потом уж приходи... с принципом работы. Но если хочешь мой совет: не трать время и на проверку.
- Спасибо за совет.- Моня встал.- Вообще за добрые слова...
- Ну вот...- сказал инженер вроде с сожалением, но непреклонно.- И не тронь вас. Скажи еще, что меня в институте учили...
- Да ну, при чем тут институт! Я же к тебе не за справкой пришел...
- Ну, а чего же уж такая... самодеятельность-то тоже! - воскликнул инженер.- Почти девять лет учился, и - на тебе: вечный двигатель. Что же уж?.. Надо же понимать хоть такие-то вещи. Как ты думаешь: если бы вечный двигатель был возможен, неужели бы его до сих пор не изобрели?
- Да вот так все рассуждают: невозможен, и все. И все махнули рукой...
- Да не махнули рукой, а доказали давно: не-воз-можен! Ладно, было бы у человека четыре класса, а то... Ты же восемь с половиной лет учился! Ну... Как же так? - Инженер по-живому рассердился, именно рассердился. И не скрывал, что сердится: смотрел на Моню зло и строго. И отчитывал: - Что же ты восемь с половиной лет делал?
- Смолил и к стенке становил,- тоже зло сказал Моня. И тоже поглядел в глаза инженеру.- Что ты как на собрании выступаешь? Чего красуешься-то? Я тебя куда выдвигать не собираюсь.
- Вот видишь...- чуть растерялся инженер от встречной напористой злости, но и своей злости тоже не убавил.- Умеешь же говорить... Значит, не такой уж темный. Не хрена тогда и с вечным двигателем носиться... Людей смешить. - Инженер бросил сигарету, наступил на нее, крутнулся, вдавив ее в землю, и пошел заводить мотоцикл. Моня двинулся из ограды.

Оглушил его этот инженер. И стыдно было, что отчитали, и злость поднялась на инженера нешуточная... Но ужасно, что явилось сомнение в вечном двигателе. Он пошел напрямик домой - к чертежу. Шагал скоро, глядел вниз. Никогда так стыдно не было. Стыдно было еще своей утренней беспечности, безмятежности, довольства. Надо было все же хорошенько все проверить. Черт, и в такой безмятежности поперся к инженеру! Надо было проверить, конечно.

Бабки дома не было. И хорошо: сейчас полезла бы с тревогой, с вопросами... Моня сел к столу, придвинул чертеж. Ну, и что? Груз-вот он-давит на стержень... Давит же он на него? Давит. Как же он не давит-то! А что же он делает? Моня вспомнил, как инженер спросил: "Что же ты восемь с половиной лет делал?" Нервно ерзнул на стуле, вернул себя опять к двигателю. Ну?.. Груз давит на стержень, стержень от этого давления двинется... Двинется. А другим концом он приварен к оси... Да что за мать-перемать-то! Ну, и почему это невозможно?! Вот теперь Моня волновался. Определенно волновался, прямо нетерпение охватило. Правильно, восемь с половиной лет учился, совершенно верно. Но - вот же, вот! Моня вскочил со стула, походил по горнице... Он не понимал: что они? Ну, пусть докажут, что груз не будет давить на стержень, а стержень не подвинется от этого. А почему он не подвинется-то? Вы согласны - подвинется? Тогда и ось... Тьфу! Моня не знал что делать. Делать что-то надо было - иначе сердце лопнет от всего этого. Кожа треснет от напряжения. Моня взял чертеж и пошел из дому, сам пока не зная куда. Пошел бы и к инженеру, если бы тот не уехал. А может, и не уехал? И Моня пошел опять к инженеру. И опять шел скоро. Стыдно уже не было, но такое нетерпение охватило, впору бегом бежать. Малость Моня и подбежал - в переулке, где людей не было,

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мотоцикла в ограде не было. Моне стало досадно. И он, больше машинально, чем с какой-то целью, зашел в дом инженера. Дома была одна молодая хозяйка, она недавно встала, ходила в халатике еще, припухшая со сна, непричесанная.

- Здравствуйте, - сказал Мона. - А муж уехал?

- Уехал.

Мона хотел уйти, но остановился.

- А вы же ведь учительница? - спросил он.

Хозяйка удивилась:

- Да, А что?

- По какому?

- По математике.

Мона, не обращая внимания на беспорядок, которого хозяйки стыдятся, не обращая внимания и на хозяйку - что она еще не привела себя в порядок, - прошел к столу.

- Ну-ка, гляньте одну штуку... Я тут поспорил с вашим мужем... Идите-ка сюда. Молодая женщина какое-то время нерешительно постояла, глядя на Мону. Она была очень хорошенькая, пухленькая.

- Что? - спросил Мона.

- А в чем дело-то? - тоже спросила учительница, подходя к столу.

- Смотрите, - стал объяснять Мона по чертежу, - вот это такой желобок, из сталистой какой-нибудь жести... Так? Он - вот так вот наклонно прикреплен к ободу этого колеса. Если мы сюда положим груз, вот здесь, сверху... А вот это будет стержень, он прикреплен к оси. Груз поехал, двинул стерженек... Он же двинет его?

- Надавит...

- Надавит! Он будет устремляться от этого груза, так же? Стерженек-то. А ось что будет делать? Закрутится? А колесо? Колесо-то на оси жестко сидит...

- Это что же, вечный двигатель, что ли? - удивилась учительница.

Мона сел на стул. Смотрел на учительницу. Молчал.

- Что это? - спросила она.

- Да вы же сами сказали!

- Вечный двигатель?

- Ну.

Учительница удивленно скривила свежие свои губки, долго смотрела на чертеж... Тоже пододвинула себе стул и села.

- А? - спросил Мона, закуривая. У него опять вздрагивало в груди, но теперь от радости и нетерпения.

- Не будет колесо вращаться, - сказала учительница.

- Почему?

- Не знаю пока... Это надо рассчитать. Оно не должно вращаться.

Мона крепко стукнул себя кулаком по колену... Встал и начал ходить по комнате.

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Ну, ребята!..- заговорил он.- Я не понимаю: или вы заучились, или... Почему не будет-то? - Моня остановился, глядя в упор на женщину.- Почему?

Женщина тоже смотрела на него, несколько встревоженная. Она, как видно, немножко даже испугалась,

- А вам нужно, чтобы оно вращалось? - спросила она.

Моня пропустил, что она это весьма глупо спросила, сам спросил-все свое:

- Почему оно не будет вращаться?

- А как вам муж объяснил?

- Муж... никак. Муж взялся стыдить меня,- И опять Моня кинулся к чертежу: - Вы скажите, почему колесо... Груз давит?

- Давит.

- Давит, Стержень от этого давления...

- Знаете что,- прервала Моню учительница,- чего мы гадаем тут: это нам легко объяснит учитель физики, Александр Иванович такой... Не знаете его?

- Знаю.

- Он же недалеко здесь живет.

Моня взял чертеж. Он знал, где живет учитель физики.

- Только подождите меня, ладно? - попросила учительница.- Я с вами пойду. Мне тоже интересно стало.

Моня сел на стул.

Учительница замешкалась:

- Мне одеться нужно...

- А-а, - догадался Моня. - Ну конечно. Я на крыльце подожду. Моня пошел к выходу, но с порога еще оглянулся, сказал с улыбкой: Вот дела-то! Да?

- Я сейчас,- сказала женщина.

Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбужденного Моню... Смотрел в чертеж. Выслушал.

- Вот!.. - сказал он молодой учительнице с неподдельным восторгом. - Видите, как все продумано! А вы говорите...- И повернулся к Моне, И, потихоньку тоже возбуждаясь, стал объяснять:

- Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу (он выговаривал "уперу") ваш желоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо желоба прикреплю тоже стержень - вертикально. Вот...- Гекман нарисовал свое колесо и к ободу его "прикрепил" стержень.- Вот сюда мы его присобачим... Так? - Гекман был очень доволен,- Теперь я к этому вертикальному стержню прикрепляю пружину... Во-от. - Учитель и пружину изобразил. - А другим концом...

- Я уже такой двигатель видел в книге,- остановил Моня учителя.Так не будет крутиться.

- Ага! - воскликнул счастливый учитель.- А почему?

- Пружина одинаково давит в обои концы...

- Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз. Груз лежит на желобе и давит на стержень. Но ведь груз - это та же пружина, с которой вам все ясно: груз так же одинаково

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
давит и на стержень и на желоб. Ни на что чуть-чуть меньше, ни на что -
чуть-чуть больше. Колесо стоит,

Это показалось Моне чудовищным.

- Да как же?! - вскинулся он, - Вы что? По желобу он только скользит, - желоб
можно еще круче поставить, - а на стержень падает. И это - одинаково?! - Мона
свирепо смотрел на учителя. Но того все не оставляла странная радость,

- Да! - тоже воскликнул он, улыбаясь. Наверно, его так радовала неизбежность
законов механики. - Одинаково! Эта неравномерность - это кажущаяся
неравномерность, здесь абсолютное равенство...

- Да горите вы синим огнем с вашим равенством! - горько сказал Мона. Сгреб
чертеж и пошел вон.

Вышел на улицу и быстро опять пошагал домой. Это походило на какой-то заговор,
Это черт знает что!.. Как сговорились. Ведь ясно же, ребенку ясно: колесо не
может не вертеться! Нет, оно, видите ли, НЕ ДОЛЖНО вертеться. Ну что это?!

Мона приколбасил опять домой, написал записку, что он себя неважно чувствует,
нашел бабку на огороде, велел ей отнести записку в совхозную контору, не стал
больше ничего говорить бабке, а ушел в сарай и начал делать вечный двигатель.

...И он его сделал. Весь день пластался, дотемна. Доделывал уже с фонарем.
Разорил велосипед (колесо взял), желоб сделал из старого оцинкованного ведра,
стержень не приварил, а скрепил с осью болтами... Все было сделано, как и
задумалось.

Мона подвесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил... И без
волнения толкнул колесо ногой. Почему-то охота было начать вечное движение
непрерывно ногой. И привалился спиной к стене. И стал снисходительно смотреть,
как крутится колесо. Колесо покрутилось - покрутилось и стало. Мона потом его
раскручивал уже руками... Подолгу - с изумлением, враждебно - смотрел на
сверкающий спицами светлый круг колеса. Оно останавливалось. Мона сообразил, что
не хватает противовеса. Надо же уравновесить желоб и груз! Уравновесил. Опять
что есть силы раскручивал колесо, опять сидел над ним и ждал. Колесо
останавливалось. Мона хотел изломать его, но раздумал... Посидел еще немного,
встал и с пустой душой медленно пошел куда-нибудь.

Пришел на речку, сел к воде, выбирал на ощупь возле себя камешки и стрелял ими с
ладони в темную воду. От реки не исходил покой, она чуть шумела, плескалась в
камнях, вздыхала в темноте у того берега... Всю ночь чего-то беспокоилась,
бормотала сама с собой - и текла, текла. На середине, на быстрине, поблескивала
ее текущая спина, а здесь, у берега, она все шевелила какие-то камешки, шарилась
в кустах, иногда сердито шипела, а иногда вроде смеялась тихо - шепотом.

Мона не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним
надсмелись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный
двигатель никто в селе еще не изобретал. Этого хватит месяца на два - говорить.
Пусть. Надо и посмеяться людям. Они много работают, развлечений тут особых нет -
пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то, Мона, людей. Он
думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с
ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча... И себя тоже стало
немного жаль.

Дождлся Мона, что и заря занялась. Он вовсе отрешился от своей неудачи. Умылся
в реке, поднялся на взвоз и пошел береговой улицей. Просто так опять, без цели.
Спать не хотелось. Надо жениться на какой-нибудь, думал Мона, нарожать детей -
трех примерно и смотреть, как они развиваются. И обрести покой, ходить вот так
вот - медленно, тяжело и смотреть на все спокойно, снисходительно, чуть
насмешливо. Мона очень любил спокойных мужиков.

Уже совсем развиднело. Мона не заметил, как пришел к дому инженера. Не нарочно,
конечно, пришел, а шел мимо и увидел в ограде инженера. Тот опять возился со
своим мотоциклом.

- Доброе утро! - сказал Мона, остановившись у изгороди. И смотрел на инженера

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
мирно и весело.

- Здорово! - откликнулся инженер.

- А ведь крутится! - сказал Моня.- Колесо-то.

Инженер отлип от своего мотоцикла... Некоторое время смотрел на Моню - не то что не верил, скорее так: не верил и не понимал.

- Двигатель, что ли?

- Двигатель. Колесо-то... Крутится. Всю ночь крутилось... И сейчас крутится. Мне надоело смотреть, я пошел малость пройтись.

Инженер теперь ничего не понимал. Вид у Мони усталый и честный. И несколько не пристыженный, а даже какой-то просветленный.

- Правда, что ли?

- Пойдем - поглядишь сам.

Инженер пошел из ограды к Моне.

- Ну, это... фокус какой-нибудь, - все же не верил он.- Подстроил там чего-нибудь?

- Какой фокус! В сарае... на полу: крутится и крутится.

- От чего колесо-то?

- От велика.

Инженер приостановился:

- Ну, правильно: там хороший подшипник - оно и крутится.

- Да,- сказал Моня,- но не всю же ночь!

Они опять двинулись.

Инженер больше не спрашивал. Моня тоже молчал. Благостное настроение все не оставляло его. Хорошее какое-то настроение, даже самому интересно.

- И всю ночь крутится? - не удержался и еще раз спросил инженер перед самым домом Мони. И посмотрел пристально на Моню. Моня преспокойно выдержал его взгляд и, вроде сам тоже изумляясь, сказал:

- Всю ночь! Часов с десяти вечера толкнул его, и вот... сколько уж сейчас?

Инженер не посмотрел на часы, шел с МонеЙ, крайне озадаченный, хоть старался не показать этого, щадя свое инженерное звание. Моне даже смешно стало, глядя на него, но он тоже не показал, что смешно.

- Приготовились! - сказал он, остановившись перед дверью сарая. Посмотрел на инженера и пнул дверь... И посторонился, чтобы тот прошел внутрь и увидел колесо. И сам тоже вошел в сарай - крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не крутится.

- Ну-у,- сказал инженер.- Я думал, ты хоть фокус какой-нибудь тут придумал.

Не смешно, парень.

- Ну, извини,- сказал Моня, довольный.- Пойдем - у меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмахе?

Инженер с интересом посмотрел на Моню. Усмехнулся:

- Пойдем.

Пошли в дом. Осторожно, стараясь не шуметь, прошли через прихожую комнату...

Прошли уже было, но бабка услышала.

- Мотька, где был-то всю ночь? - спросила она.

- Спи, спи,- сказал Моня.- Все в порядке.

Они вошли в горницу.

- Садись, - пригласил Моня. - Я сейчас организую...

- Да ты... ничего не надо организовывать! - сказал инженер шепотом.- Брось. Чего с утра организовывать?

- Ну ладно,- согласился Моня.- Я хотел хоть пирожок какой-нибудь... Ну, ладно.

Когда выпили по рюмахе и закурили, инженер опять с интересом поглядел на Моню, сощурил в усмешке умные глаза.

- Все же не поверил на слово? Сделал... Всю ночь, наверно, трудился? А Моня сидел теперь задумчивый и спокойный - как если бы у него уже было трое детей и он смотрел, как они развиваются.

- Весь день вчера угробил... Дело не в этом,- заговорил Моня, и заговорил без мелкого сожаления и горя, а с глубоким, искренним любопытством,- дело в том, что я все же не понимаю: почему оно не крутится? Оно же должно крутиться.

- Не должно,- сказал инженер.- В этом все дело.

Они посмотрели друг на друга... Инженер улыбнулся, и ясно стало, что вовсе он не злой человек - улыбка у него простецкая, доверчивая. Просто, наверно, на него, по его молодости и совестливости, навалили столько дел в совхозе, что он позабыл и улыбаться, и говорить приветливо - не до этого стало.

- Учиться надо, дружок,- посоветовал инженер,- тогда все будет понятно.

- Да при чем тут - учиться, учиться, - недовольно сказал Моня. Вот нашли одну тему: учиться, учиться... А ученых дураков не бывает?

Инженер засмеялся... и встал.

- Бывают! Но все же неученых их больше. Я не к этому случаю говорю... вообще. Будь здоров!

- Давай еще по рюмахе?

- Нет. И тебе не советую.

Инженер вышел из горницы и постарался опять пройти по прихожей неслышно, но бабка уже не спала, смотрела на него с печки.

- Шагай вольнее,- сказала она,- все равно не сплю.

- Здравствуй, бабушка! - поприветствовал ее инженер.

- Здорово, милоч. Чего вы-то не спите? Гляди-ка, молодые, а как старики... Вам спать да спать надо.

- А в старости-то что будем делать? - сказал инженер весело.

- В старости тоже не поспишь.

- Ну, значит, потом когда-нибудь... Где-нибудь.

- Рази что там...

Упорный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Моня сидел в горнице, смотрел в окно. Верхняя часть окна уже занялась красным - всходило солнце. Село пробудилось; хлопали ворота, мычали коровы, собираясь в табун. Переговаривались люди, уже где-то и покрикивали друг на друга... Все как положено. Слава богу, хоть тут-то все ясно, думал Моня. Солнце всходит и заходит, всходит и заходит-недосягаемое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту... Радости подсчитывают, удачи. Хэх!.. люди, милые люди... Здравствуйте!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!